

Государственный научно-исследовательский
Институт реставрации
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VI

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

1327887

**ИСТОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ СТЕНОПИСИ
СОБОРА РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ
В ФЕРАПОНТОВОМ МОНАСТЫРЕ (ДО 1981 ГОДА)**

Среди исследователей древнерусского искусства общепризнанна уникальная сохранность стенописи собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, выполненной Дионисием «со своими чады» в 1502 году. Такая оценка состояния памятника связана с высоким уровнем использованной Дионисием технологии, состоянием окружающей среды и определенными историческими обстоятельствами, предотвратившими значительные по объему вмешательства в авторскую живопись.

Представления о возможных ее поновлениях до XX века вмещают в себя все многообразие взглядов: от полного отсутствия до многочисленных следов поновлений¹. Единственным конкретным свидетельством подобного рода вмешательства в авторскую живопись является граффити над полотенцем на северной стене центральной апсиды алтаря: «1738-го году сентября в [неизвестный] день поновлена бысть сия соборная церковь стенное писмо и связана связи железными радением и рачением игумена Павла и добродееющих в пречестную церковь сию». При исследовании живописи в XX веке стало очевидным, что эти поновления проводились по вновь положенной штукатурке на участках ее утрат в западной части собора: на своде, щеке и замке подпружной арки и самой арке, в восточном нижнем углу южной люнеты на композициях «Притча о блудном сыне», «Учение Иоанна Златоуста», «Спас на чрепии», на двух медальонах со святыми женами-мученицами, серафиме в замке западной арки, «Что Ти принесем, Христе...». По предположению В. Д. Сарабьянова², эти поновления мог выполнить монастырский монах-иконописец Федор Захлепин, чем и объясняется их архаичность и несовпадение с рядом расположенными авторскими росписями. Могли ли эти откровенно неумелые поновления вызвать замечание В. Т. Георгиевского, поднявшегося на леса внутри собора в 1914 году: «Фрески помараны немного, но

небезобразно»^{3?} Исследователи памятника Н. М. Чернышев, Н. В. Гусев и В. Д. Сарабьянов также отмечали следы поновлений — точных прописей по авторской живописи клеевыми красками, осыпавшимися в процессе жизнедеятельности храма. Сохранилось единичное свидетельство о малозначительном «мытьё стеного писания» мещанином Каменским в августе 1833 года⁴, когда монастырь был уже закрыт, и службы в соборе велись крайне редко. Существовавшая на Руси традиция мытья стен в церквях позволяет предположить более частые и незначительные наведения «благолепия» во времена постоянного служения, ставшие одной из возможных причин отсутствия к началу XX века явных прописей древней живописи. Под железные связи были пробиты вновь 38 гнезд в кладке всех стен и столпов на двух уровнях под пятнами сводов в основном на несоответственных участках фонов, поземов и орнаментальных полос⁵. Крепление одной из связей, пропущенной через западную стену, привело к частичной утрате женской фигуры за ложем Анны в композиции «Рождество Богородицы» на наружной порталной росписи.

Перестройка иконостаса собора в XVII—XVIII веках⁶ также привела к незначительным утратам левкаса при растеске новых гнезд под тябла на северной и южной стенах.

Наиболее существенные повреждения были нанесены росписи во время ремонта собора в 1794—1798 годах. Вследствие растески окон барабана и второго света были утрачены фрагменты прилегающих к ним композиций: 6-ти архангелов в простенках барабана и 12-ти композиций акафистного цикла. Вновь пробитое окно на западной стене привело к утрате фигуры Спасителя в деисусной композиции «Страшного суда». Над папертью была опущена кровля, на уровне которой пробитая штраба прошла по Деисусу росписи западного портала. Сколы левкаса вокруг штрабы на фигурах святых особенно значительны с северной стороны: у Иоанна Богослова и апостола Петра почти до половины утрачены нижние части одежд. Гнездо под балку кровли пришлось на участок фона медальона слева от фигуры Спасителя. В верхней части килевидного завершения западных врат, на фонах композиций с архангелами Михаилом и Гавриилом и в нижнем правом углу композиции «Ласкание Марии» были пробиты гнезда под балки нового потолка паперти, примыкавшего к росписи над архангелами⁷. Грубую замазку трещин и набрызгов на стенах, вероятнее всего, предполагалось закрыть новой росписью, чему помешало бедственное финансовое положение монастыря.

Редкие мелкие ремонты собора в XIX веке почти не касались стенописи, кроме упомянутого выше мытья стен; скудные средства прихода шли на поддержание постоянно действующих церквей. На попытку возобновить настенную живопись в соборе в 1892 году благочинный 3-го округа Кирилловского уезда Николай Тогатов получил ответ из Новгородской Духовной консистории: «Приказали и его преосвященство утвердили предписать причту Ферапонтовской церкви озаботиться приведением в должный вид настенной живописи в храме Рождества Богородицы, изыскав потребные для сего средства сбором с прихода и обращением к известным благотворителям»⁸. Но уже в 1898 году всеобщее внимание к древностям монастыря и росписям в соборе привлекли очерки И. И. Бриллиантова к 500-летию Ферапонтова монастыря, годом позже вышедшие отдельным изданием, где он впервые опубликовал авторскую надпись Дионисия на софите северных врат⁹.

С 1904 года хлопотами настоятельницы Шекснинского Леушинского монастыря Таисии (М. В. Солоповой) удается начать обследование полуразрушенных построек монастыря, в том числе и собора Рождества Богородицы, под контролем императорской Археологической комиссии. Архитекторы П. П. Покрышкин и К. К. Романов по результатам обследования отмечали значительные трещины в стенах собора: «Вследствие порчи цоколя и вероятной слабости фундамента собор треснул в двух взаимно перпендикулярных направлениях по главным осям, минуя лишь барабан купола»¹⁰. При определении направлений архитектурных работ Археологическая комиссия руководствовалась приоритетным значением росписи по отношению к восстановлению первоначального облика собора. Поэтому после укрепления фундамента и возвращения первоначального вида оконным проемам в 1913–1915 годах¹¹ было решено поручить П. П. Покрышкину и К. К. Романову найти специалистов по закреплению фресок¹².

Для осмотра состояния росписи в июне 1915 года Ферапонтово посетил реставратор Н. Я. Епанечников¹³, чьи работы по укреплению штукатурки в Московском Успенском соборе в мае того же года, императорской Археологической комиссией были признаны удачными¹⁴. В это же время ярославским фотографом И. А. Лазаревым проводилась фотосъемка композиций, «попорченных трещинами»¹⁵. Заключение по осмотру предстоящих работ Н. Я. Епанечников сформулировал в своей «Пояснительной записке», высланной архитектору А. Г. Вальтеру 6 июля¹⁶. Подробно рассматривая виды разрушений штукатурного основания рос-

писи в соборе и способы употребления закрепляющих составов, которыми автор уже пользовался в московских храмах, он констатировал, что «составы для закрепления сами по себе не сложны и только тщательность и аккуратность в их применении вполне гарантируют удачное исполнение предстоящей работы». При этом рецептуры составов остались коммерческой тайной их автора. В письме от 20 июля А. Г. Вальтер писал председателю Комитета по реставрации Ферапонтова монастыря князю Алексею Васильевичу Оболенскому, что «прибыли 16-го два человека из Москвы от Епанечникова, 17-го приезжал на один день «сам», через несколько времени придет еще двух мастеров и думает потом по ходу дела прибавлять народ. Обещает к концу августа закончить заделку трещин в барабане и на сводах...»¹⁷. Из этого же письма ясно, что завершение работ Н. Я. Епанечников планировал на следующий год. Что заставило реставратора после завершения реставрации на сводах уже, вероятно, осенью укреплять трещины на стенах? Сколько человек работало в бригаде и каково участие в этих работах самого Н. Я. Епанечникова? Эти вопросы пока остаются без ответа. Возможно, было предчувствие длительной приостановки работ, в связи с чем он поторопился укрепить все наиболее крупные и опасные трещины не только на сводах, но и на стенах. В плане работ на 1916 год была и очистка росписи от многочисленных следов ремонтов прошлых и нынешнего столетий, в связи с чем в марте реставраторами М. О. и Г. О. Чириковыми была составлена смета¹⁸. Но с 1916 года все реставрационные работы в монастыре были приостановлены из-за отсутствия средств.

В 1919 году Комиссия по охране и реставрации памятников древнерусской живописи в составе сотрудника П. И. Юкина, членов Петроградского отдела Главмузея В. В. Данилова, Н. В. Лишева и Б. Н. Моласа, профессоров Б. А. Тураева и А. В. Бородина, осматривавшая собор с 31 июля по 2 августа, отмечала наличие в верхних ярусах, «в трещинах, заполненных цементом», плесени и высолов, а также «отрывание красок и свертывание в трубочки»¹⁹. Здесь же констатировалось, что «в закрепленных трещинах цементом, более удаленных от наружных стен, вышеописанное явление наблюдается в более слабой степени. В местах же закрепленных алебастром с примесью извести таких явлений нет». На заседаниях Объединенного совещания реставрационного отделения Москвы и Ленинграда в 1921 году также указывалось на «отставания», «свертывания» и «вскипания

красочных слоев вокруг заделок, рвущих соседние области фресок»²⁰. К. К. Романов подтвердил использование Н. Я. Епанечниковым для своих составов алебастра²¹. Обсуждение влияния последствий проведенных в Ферапонтове работ на состояние живописи переходило в обсуждение методов укрепления фресок и признание опасности использования таких влагоемких материалов, как алебастр и цемент, в «холодных отсыревающих помещениях»²². Собор Рождества Богородицы в тот период был не просто «холодным помещением», а из-за внезапно прекращенных с 1916 года реставрационных работ оставался в течение 10 лет с временно приподнятой, плохо закрепленной кровлей и отогнутыми в целях обследования краями обшивки барабана²³. Это создавало дополнительные условия для проникновения влаги, особенно на сводах. Исследования 1980-х годов, подтвердившие, что заделки Н. Я. Епанечникова выполнены «штукатурными растворами на известковом связующем, а также гипсом²⁴ с добавками песка», по прошествии семи десятилетий оценили эти заделки как «прочные, в трещинах держатся, тон подобран хорошо»²⁵.

Только в 1925 году была завершена архитектурная реставрация собора, и встал вопрос о завершении работ на живописи. Летом 1926 года реставратор ЦГРМ П. И. Юкин обследовал состояние росписи собора, результатом чего стала «Докладная записка по вопросу о реставрации фресок церкви Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре»²⁶. В ней был определен порядок проведения основных реставрационных работ: «1. Удаление с поверхности фресок большого количества пыли, 2. Удаление большого количества бумажных заклеек, 3. Удаление черных пятен последствий былой сырости, 4. Освобождение трещин от излишней штукатурки, 5. Смазка штукатуркой новой кирпичной кладки... и ее тонирование в нейтральный тон». Возможно, за время своего пребывания в Ферапонтове летом 1926 года П. И. Юкин уже начал очистку росписи от загрязнений на западном портале, так как в своем письме И. В. Федышину от 20 февраля 1927 года он сообщает, что в мае приедет «в Ферапонтов монастырь заканчивать фрески»²⁷. «Закончить» на второй летний сезон можно было бы относительно небольшой и отдельно расположенный участок росписи. Вряд ли до этого времени портал был расчищен, как полагает В. Д. Сарабьянов²⁸, поскольку на IV заседании Объединенного совещания реставрационных отделений Москвы и Ленинграда 14 апреля 1921 года В. Т. Георгиевский отмечал, что «фрески сильно загрязнены»²⁹, а А. И. Анисимов и

П. И. Юкин до 1926 года посещали Ферапонтово кратковременно только в 1918 и 1919 годах³⁰.

В 1927 году на реставрацию стенописи собора было выделено 500 рублей³¹, и ЦГРМ командировали трех сотрудников мастерских: старшего эксперта А. И. Анисимова, художника-реставратора П. И. Юкина и сотрудника М. С. Лаговского³². В примечании Г. И. Вздорнова к письму А. И. Анисимова И. В. Федышину от 11 июля 1927 года отмечается, что в Ферапонтово из Вологды вместе с автором письма и П. И. Юкиным ехала и реставратор Е. А. Домбровская³³. На фотографии участников экспедиции 1927 года, сделанной А. В. Лядовым³⁴, запечатлены все вышеназванные реставраторы и несколько неизвестных лиц. Группа реставраторов прибыла в Ферапонтово, вероятно, 3 июля³⁵, а уехала около 15 июля (по крайней мере, А. И. Анисимов «стремился быть в Вологде 15-го»)³⁶.

В 1927 году П. И. Юкин записал: «...из Пскова мы выехали в Ферапонтов монастырь. Там мы в этом сезоне не работали, а только приготовили, то есть загасили известь, и поехали в Вологду»³⁷. Если только иметь в виду, что за это время реставраторы еще работали с иконами, то вполне возможно, что реставрация росписей либо еще не начинались, либо выполнялась в минимальном объеме: порталные композиции были очищены от загрязнений, что не требовало использования известковых растворов.

В 1928 году тот же П. И. Юкин пишет: «Я выехал с группой студентов ВХУТЕМАСа Степановым и Давыдовым и Е. А. Домбровская, М. С. Лаговский и А. И. Анисимов в Ферапонтово. Там мы приступили к оштукатуриванию окон в барабане...и новую кладку оштукатурили. Над гробницей Ферапонта (ошибка: Мартиниана — *Е. Ш.*) открыты мной новые фрески, фигуры стоящие в рост. Совместно с Домбровской мы стали удалять заделки в трещинах, которые разрушали фреску, тут тоже, видимо, не обошлось без цемента»³⁸. В письме И. В. Федышину от 30 июля П. И. Юкин сообщает о составе используемого им раствора: «известь, песок, пемза, уголь, черепица, лен. Доделываем в окнах новые заделки. Такая работа впервые проделывается нами. Достигаем гладкости стен ровной прежней штукатурки. В XVII—XIX веках к этому относились небрежно и поэтому много пыли задерживается в неровной штукатурке, что существенно вредит фрески»³⁹. Поскольку, кроме оштукатуривания новой кладки вокруг всех окон барабана и второго света, а также работ в церкви Мартиниана, реставраторы занимались еще иконами из ико-

ностаса собора, то, скорее всего, никакие другие работы на фресках не проводились.

19 июня 1929 года П. И. Юкин вновь сообщает И. В. Федышину: «21 сего месяца едем в Ферапонтов и Кириллов. Там поработаем до 7/VII... Пишите от 22/VI по 10/VII Ферапонтов Череповецкий»⁴⁰. А. И. Анисимов присоединился к прежней группе реставраторов, вероятно, только после 2 июля и проработал до 15-го⁴¹. Краткие сведения о работах сезона 1929 года можно найти в «Годовом отчете Кирилло-Белозерского и Ферапонтова музеев за период с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1929 г.»⁴². Там указаны объемы укрепления штукатурки в центральных продольном и поперечном нефх собора, без конкретизации мест по высоте: в восточной части — 2 кв. м, в южной — 4 кв. м, в западной вместе с укрепленными трещинами — 1,5 кв. м, в северной — 5 кв. м. По окончании работ были «разобраны верхние леса» (один ярус — *Е. Ш.*). Последние сведения позволяют локализовать местоположение проведенных работ сводами собора.

Полный отчет о работах по укреплению фресковой штукатурки с росписью 1502 года, проводившихся в Ферапонтовом монастыре группой реставраторов (в том же составе, кроме Давыдова) и фотографом с 30 июля по 21 августа, был составлен реставраторами в 1930 году⁴³. За три недели была укреплена штукатурка в алтаре и жертвеннике, очищены от побелки края композиций, расположенных рядом с окнами на южной стене собора и заделана трещина на западной стене. Здесь же был оштукатурен ранее заложенный проем окна XVIII века. «Оштукатуривание производилось по рецепту П. И. Юкина: 1 ч. извести, 2 ч. песку, пемзы, угля, толченого кирпича и льна. Рецепт состава, употребляемого при промывке: 1000 гр. воды — 20 гр. уксусной кислоты 60% раствора, 10 гр. вишневого клея и 50 гр. спирта». Этим составом промыты от поверхностных загрязнений композиции «Благовещение у колодца», «Благовещение с рукоделием»⁴⁴, «Целование Марии и Елизаветы» и «Волхвы». Кроме того, была разобрана иконостасная рама XVIII века, благодаря чему и открылись акафистные композиции на восточных столпах. Одновременно с работами на стене продолжалось раскрытие икон из иконостаса собора.

Музейный отчет за 1929—1930 годы несколько дополняет сведения об объеме проведенных работ: «1. Укрепление трещин и выпадин во фресковой штукатурке на высоте первого этажа лесов... 3. Удаление позднейших штукатурных смазок с фресок, примыкающих к 6 окнам»⁴⁵... 6. Удаление этажа лесов, примыкавшего к

изображению Покрова Божьей Матери в восточной части центрального продольного нефа»⁴⁶. Можно допустить, что «этаж лесов» находился на уровне яруса акафистных композиций и «Покрова», так как в этом же отчете вторым пунктом указана «промывка фресковой живописи на той же высоте (то есть высоте 1 этажа) в пределах центрального поперечного нефа». Это совпадает с записью о промывке четырех акафистных композиций в отчете ЦГРМ. Если леса на уровне этого яруса были разобраны полностью, а не только та часть, которая непосредственно примыкала к композиции «Покров», становится ясно, что лесов в соборе могло не остаться совсем⁴⁷. Таким образом, в 1930 году была частично укреплена штукатурка, промыта и укреплена живопись композиций на стенах и столпах собора на уровне 3 яруса росписи.

Судя по известным нам документам 1927–1930 годов, работы по укреплению штукатурки с фресковой живописью были выборочными. Это вполне естественно, так как малочисленная группа реставраторов (4–5) человек работала в среднем меньше месяца ежегодно. Работы могли быть прекращены неожиданно, реставраторы, вероятно, и не приступали к очистке самых загрязненных нижних ярусов росписи, что обозначено первым пунктом в «Докладной» П. И. Юкина. В отчете Кирилловского музея за 1931 год⁴⁸, более кратком, чем за предыдущие годы, пункт, включающий сведения о реставрационных работах, вообще отсутствует.

О проведенных в 1930 году реставрационных работах в Кириллове и Ферапонтове А. И. Анисимов докладывал на заседании президиума Кирилловского РИКа 13 августа⁴⁹, чтобы привлечь внимание местных властей к необходимости финансирования охраны памятников в бывших монастырях. В 1931 году, опираясь на сведения, полученные от участниц «Кружка изучения русской усадьбы», сотрудники производственной группы в Новгороде Н. Е. Брягин и В. В. Кириков, сообщили директору ЦГРМ, что в соборе «голуби внутри помещения летают, стекла разбиты»⁵⁰. Видимо, после окончания реставрационных работ собор оставался без должного внимания со стороны соответствующих служб охраны памятников.

Отсутствие регулярных осмотров и ремонтов кровель и окон, скорее всего, привело к образованию плотного слоя высолов, водорослей и плесени на росписях Никольского придела — одного из самых неблагоприятных по температурно-влажностным характеристикам участков храма, что связано с примыканием к нему церкви Мартина и наличием открытого малого барабана над

ним. При обследовании росписи придела в 1959 году бригадой реставраторов Вологодской специальной научно-производственной мастерской в составе О. В. Кирикова, В. Е. Брягина и И. Е. Брягиной⁵¹ кроме плотного налета были обнаружены глубокие трещины, отслаивание и вспучивание штукатурки, в том числе и заделок начала века, распыление и шелушение красочных слоев. С 12 по 26 августа реставраторами были проведены укрепление штукатурки и красочного слоя, бортовые обмазки, заделки трещин, удаление поверхностных загрязнений и дезинфекция всех композиций придела. Отставания штукатурки и трещины укреплялись известково-казеиновым раствором: 1 часть сухого казеина на 3 части воды по объему, 2 части полученной «варки» по объему смешивались с 3 частями тестообразной гашеной извести. Бортовая обмазка и дополнения штукатурки выполнялись известково-песчаными растворами. Красочные слои укреплялись путем пропитки из пульверизатора всей поверхности росписи казеиновым раствором: 1 часть сухого казеина на 4 части воды по объему. Загрязнения и плесень удалялись влажными тампонами, греческими губками, иногда скальпелем. Дезинфекция была проведена 5%-ным раствором формалина в воде. Такие же реставрационные мероприятия были выполнены на изображениях архангелов и полотенцах западного портала.

Все эти одновременные и большей частью фрагментарные реставрационные работы не решили проблемы сохранности росписи в соборе, постоянно поднимавшейся специалистами в последующие два десятилетия. В 1963–1964 годах В. В. Робинным была проведена фотофиксация композиций нижнего яруса. 23 марта 1966 года состоялось заседание специального совета Министерства культуры СССР с повесткой: «О состоянии монументальных росписей Ферапонтова монастыря и меры по их сохранению». На основании принятого решения о проведении консервационно-реставрационных и исследовательских работ были предприняты исследования по гидрогеологии, а также изучение микроклимата памятника. В 1971–1975 годах пробные консервационные работы по заделке трещин, обортовке и укреплению левкаса в соборе проводила бригада Межобластной специальной научно-реставрационной мастерской под руководством опытного реставратора И. П. Ярославцева⁵². Заделки выполнялись «разными известковыми составами и имели своей целью подбор различных растворов и укрепление остроаварийных участков». Основой составов служила хорошо гашеная промытая известь с различны-

ми соотношениями добавок: песка, кирпича, древесного угля и льна. Укрепления проводились в нижних частях стен на полотенцах и порталах и чуть выше на наружной росписи западного портала. Кроме того, И. П. Ярославцевым была предпринята попытка поиска методов и материалов по удалению плотного слоя розового налета кирпичной пыли на полотенцах.

В 1976–1977 годах обследование нижних ярусов росписи с экспериментальным укреплением красочных слоев и удалением поверхностных загрязнений на восьми участках росписи, в основном в нижних ярусах, было выполнено главным художником Института «Спецпроектреставрация» В. В. Филатовым⁵³, На основании собственного опыта и нескольких лет наблюдений за экспериментальными работами он предложил способ укрепления живописи путем многократных пропиток всей ее поверхности 5%-ными растворами кремнийорганической смолы К-15/3 и СВЭД. Предложенные В. В. Филатовым материалы, методы их применения и способы проведения экспериментального укрепления (большие размеры участков и очерчивание их зон карандашом по авторской живописи) вызвали многочисленные дискуссии среди специалистов. Результатом этих дискуссий явилось принятие комиссией Министерства культуры СССР решения о комплексном обследовании памятника ведущими реставрационными организациями страны — Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации, Институтом «Спецпроектреставрация» и Межобластной специальной научно-реставрационной мастерской — с целью выработки методики реставрации стенописи собора Рождества Богородицы⁵⁴.

В августе 1981 года по всему центральному объему четверика собора были установлены пятиярусные деревянные леса, и специалисты названных организаций с привлечением консультантов и соисполнителей из некоторых научных учреждений страны приступили к комплексному исследованию памятника: состояния ограждающих конструкций, температурно-влажностного режима и возможностей его нормализации; состава авторских материалов росписи и техники ее исполнения; степени сохранности авторской живописи и влияния на нее окружающей среды и микроорганизмов. Впервые в истории существования собора были созданы предпосылки не только для успешного осуществления реставрационных работ, но и для последующего сохранения уникальных росписей Дионисия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Чернышев Н. В.* Искусство фрески в Древней Руси. Материалы к изучению древнерусских фресок. М., 1954, с. 82–84; *Гусев Н. В.* О росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря. – Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980, с. 317–318; *Лелекова О. В., Наумова М. М.* Исследование красочного слоя росписи Рождественского собора Ферапонтова монастыря. – Ферапонтовский сборник, вып. 1. М., 1985, с. 163; *Голубов В., Кукс Ю.* Палитра Дионисия. – Художник, 1985, № 8, с. 59.

2. *Сарабьянов В. Д.* История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря. – Ферапонтовский сборник, II. М., 1988, с. 38.

3. Письмо В. Т. Георгиевского И. С. Остроухову от 19 июля 1914 года. – ОР ГТГ, ф. 10, № 2479, л. 2 об.

4. ГАВО, ф. 1147, оп. 2, № 473, л. 35 об.

5. *Сарабьянов В. Д.* Ук. соч.; *Шелкова Е. Н.* Из опыта наблюдений за состоянием стенописи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. – Ферапонтовский сборник, II. М., 1988, с. 195–196.

6. *Филатов С. В.* Иконостас и интерьер собора Ферапонтова монастыря (к проблеме организации внутреннего пространства). – Ферапонтовский сборник, I. М., 1985, с. 47–86; *Кочетков И. А.* История иконостаса собора Ферапонтова монастыря. – Там же, с. 69–85; *Малкин М. Г.* К истории иконостаса собора Ферапонтова монастыря. – Там же, с. 86–99; *Подъяпольский С. С.* Каким же был иконостас Рождественского собора Ферапонтова монастыря? – Ферапонтовский сборник, вып. III. М., 1991, с. 167–192.

7. Ведомости имущества Ферапонтова монастыря. 1788. – ГАВО, ф. 1173, № 79, л. 1–2.

8. Дела по благочинию. 1892 г. – ОПИ КБИАХМЗ, ф. 1, оп. 1, № 194, л. 53–53 об.

9. К 500-летию упраздненного Ферапонтова монастыря. – Русский паломник, 1898, № 25, с. 385–387; *Бриллиантов И. И.* Ферапонтов монастырь – место заключения и последних лет жизни патриарха Никона (к 500-летию основания этого монастыря. 1398–1898). – Странник, 1898, май–июнь, с. 95–106, июль, с. 282–309, октябрь, с. 258–281, ноябрь, с. 450–483, декабрь, с. 677–699; Пятисотлетие Ферапонтова упраздненного монастыря (места заточения патриарха Никона). – Церковный вестник, 1898, № 19, стлб. 669–672; *Бриллиантов И. И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию монастыря. 1398–1898. СПб., 1899.

10. *Покрышкин П. П., Романов К. К.* Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. – Известия Императорской Археологической Комиссии, вып. 28. (Вопросы реставрации, вып. 2). СПб., 1908, с. 119–120.

11. Нижние части окон второго света восстановлены не полностью. Сохранившиеся опусы окон указывают на более высокие горизонтальные подоконники.

12. Переписка и документы по восстановлению Ферапонтова Бело-зерского монастыря. — РГИА, ф. 1107, оп. 1, № 47, л. 6–7 об., 30–31, 62–63, 79, 81; Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 г. Пг., 1914, с. 21: «Во время производства работ удалось избежать образования новых и заметного увеличения старых трещин. Теперь уже нет опасности для собора... где подведены новые фундаменты...».

13. Там же, л. 6–7 об.

14. Известия императорской Археологической комиссии. Прибавления к вып. 58. (Хроника и библиография, вып. 28). Пг., 1915, с. 64.

15. РГИА, там же.

16. Там же, л. 14–15 об.

17. Там же, л. 62–63.

18. Там же, л. 64–65 об.

19. Акт осмотра Ферапонтова монастыря от 31 июля по 2 августа 1919 г. — ОР ГТГ, ф. 68, № 60.

20. Протоколы заседания объединенного совещания реставрационного отделения Москвы и Ленинграда. 1921 г. — ЦГАОРСС, ф. Р-1, оп. 1, № 9, л. 30, 48 об.

21. Там же, л. 49 об.

22. Там же.

23. Там же, л. 48 об.

24. Термин «алебастр», использовавшийся в начале XX века, позже заменен на «гипс».

25. *Ярославцев И. П.* Методика консервации штукатурного основания живописи скуфьи и барабана собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. — Ферапонтовский сборник, вып. III. М., 1991, с. 251.

26. ОР ГТГ, ф. 67, № 365, л. 84.

27. Из истории реставрации древнерусской живописи. Переписка И. В. Федышина (1924–1936). Подготовка к печати Г. И. Вздорнов. М., 1975, с. 58.

28. *Сарабьянов В. Д.* Ук. соч., с. 54.

29. ЦГАОРСС, ф. Р-1, оп. 1, № 19, л. 48 об.

30. В 1918 году они работали в Кириллове с выездами в Ферапонтово с конца августа по начало октября, см.: *Вздорнов Г. И.* Быть здесь тяжелый крест... — Памятники Отечества, вып. 30. М., 1993, с. 90–96. В 1919 году они входили в состав комиссии, работавшей в монастыре с 31 июля по 2 августа.

31. Протокол отдела архитектурной реставрации Наркомпроса. 1927 г. — ЦГАОРСС, ф. Р-1, № 10, л. 105 об.

32. Заявка в Музейный отдел Главнауки от 16 июня 1927 года. — ОР ГТГ, ф. 67, № 365, л. 90.

33. Из истории реставрации, с. 67.

34. *Лелекова О. В.* Прикосновение к подлиннику. — Памятники Отечества, вып. 30, с. 78.

35. Из истории реставрации, с. 66–67.

36. Там же.

37. Черновые записи П. И. Юкина. — ОР ГТГ, ф. 4, № 813, л. 13 об. Из-за неразборчивости записей возможны другие варианты прочтения даты. В Пскове П. И. Юкин работал в 1927, 1928, 1929 годах, см.: *Вздорнов Г. И.* Александр Иванович Анисимов. — Советское искусствознание, 82, вып. 2. М., 1984, с. 358–359, 446.

38. ОР ГТГ, ф. 4, № 813, л. 14 об.

39. Из истории реставрации, с. 79–80.

40. Там же, с. 87–88.

41. Там же, с. 88.

42. ОПИ КБИАХМЗ, ф. ДПА, оп. 2, № 10, л. 8.

43. Отчет по реставрационным работам ЦГРМ в Историко-художественном музее в гор. Кириллове (бывш. Кирилло-Белозерский монастырь) и его отделении в бывш. Ферапонтовом монастыре в Ферапонтово с 30 июля по 21 августа 1930 г. — ОГ ГТГ, ф. 67, № 365, л. 80.

44. Вероятно, речь идет о композициях на западных гранях восточных столпов. Обе композиции указаны как «превосходной сохранности».

45. Отчеты Кирилловского и Ферапонтовского музеев за 1929–1931 гг. — ОПИ КБИАХМЗ, ф. ДПА, оп. 2, № 27, л. 7.

46. Имеются ввиду окна второго света. В отчете ЦГРМ указаны работы только вокруг окон на южной стене.

47. Леса, вероятно, были установлены в конце лета 1926 года, так как их устройство было включено шестым пунктом в «Докладной записке» П. И. Юкина, а весной 1927 года между Ленинградскими реставрационными мастерскими и организациями, заинтересованными в изучении росписей, завязалась переписка по проблеме сохранения «находящихся в соборе лесов для облегчения предстоящего изучения фресок». — ОР ГТГ, ф. 67, № 365, л. 86–89.

48. ОПИ КБИАХМЗ, ф. ДПА, оп. 2, № 27.

49. Протокол заседания Президиума Кирилловского РИКа от 13 августа 1930 г. — ОПИ КБИАХМЗ, ф. ДПА, оп. 2, № 6, л. 11.

50. Докладная записка ЦГРМ от производственной группы в Новгороде от 25/VIII 1931 г. — ОР ГТГ, ф. 67, № 365, л. 83.

51. Архив Вологодской СНРПМ, К-В-Ф, № 902.

52. *Ярославцев И. П.* Ук. соч., с. 253–256.

53. Отчет объединения «Росреставрация» о результатах исследования, экспериментальных работах и методике реставрации живописи собора Рождества Богородицы. М., 1977 (машинопись).

54. Методика консервации красочного слоя утверждена в 1985 году. Методика консервации штукатурного основания разработана в 1987 и дополнена в 1988 годах. В настоящее время по ним в соборе ведутся работы.